

— Я слышал от учителя Гэ, что более десяти лет назад репутация арт-дилеров была не очень хорошей, рынок искусства был хаотичным, а художники представляли собой пеструю смесь. Некоторые, нарисовавшие кучу дерьма, могли запросить за свои работы астрономические суммы, в то время как талантливые оставались в неизвестности. Если бы это было десять лет назад, учитель Гэ ни за что не позволил бы нам подписать «кабальный договор»! В последние годы арт-корпорации начали становиться на правильный путь, и ситуация улучшилась, но чтобы продать свои работы, всё равно не обойтись без упаковки и продвижения.

— О каких арт-дилерах ты говоришь? — спросил Е Юйфань.

— Те, кто стоит за корпорациями «Хунъюнь» и «Мир искусства»!

Е Юйфань задумался, а затем спросил:

— Семья Гуань и семья Бай?

— Нынешний глава семьи Гуань — Гуань Линъюнь, а семьи Бай — Бай Лин.

Е Юйфань вздрогнул всем телом:

— ...Т-ты сказал, кто?

— А? — удивился Хэ Юэси.

— Глава семьи Гуань... Гуань Линъюнь?

— Что такого? — Хэ Юэси недоумевал.

Услышав это имя, Е Юйфань почувствовал, как его сердце заколотилось, а в душе поднялась буря эмоций — гнев, печаль, радость и горе смешались в одно целое...

Это имя звучало так знакомо, словно оно было у него на слуху, но почему оно вызывало такое ощущение, будто его сердце разрывается на части? Пульс на запястье учащённо стучал, и Е Юйфань невольно посмотрел на свою ладонь. В голове внезапно всплыли вопросы, которые он уже давно задавал себе:

«Кто я? О чём я думаю? Почему у меня такие противоречивые мысли? Неужели в моём теле действительно два человека...?»

Неудержимые мысли о раздвоении личности нахлынули на него, как волны, одна за другой. Е Юйфань с ужасом закрыл глаза, пытаясь успокоиться — нет, нет, я Е Юйфань, я Ся Сяочуань, я один человек!

Это было похоже на спор между эмоциональным, импульсивным «я» и рациональным, спокойным «я». Но каждая клетка его тела кричала: «Убегай от него, держись подальше, избегай даже тех, кто имеет с ним малейшую связь!»

Он внезапно встал и сказал:

— М-мне нехорошо, я пойду.

Хэ Юэси: «...Что случилось?»

...

— Ты веришь? — после ухода Е Юйфана Го Чжэкай словно сам с собой произнёс эту фразу. — Если он действительно рисует всего полгода и уже достиг такого уровня, то он, без сомнения, гений...

Хэ Юэси пожал плечами:

— Учитель Гэ тоже часто называет тебя гением.

— Он лучше меня, — Го Чжэкай долго молчал, а затем добавил:

— Его стиль кажется мне очень знакомым.

Даже у Го Чжэкая, обладающего врождённой интуицией, были моменты сомнений, а Хэ Юэси и вовсе ничего не чувствовал.

Когда они закончили обед, Хэ Юэси заметил, что Е Юйфань ушёл так поспешно, что они даже не успели обменяться контактами!

Он чуть не заплакал — какая неудачная попытка познакомиться!

— Наверное, у всех гениев есть свои странности, как у Го Чжэкая без лекарств... — Хэ Юэси посмотрел на Го Чжэкая, который играл с «песочной живописью» рядом, и тихо вздохнул.

— О боже! Ты не должен играть с сахаром! Он для кофе... — неподалёку официантка возмущённо воскликнула.

Е Юйфань вернулся в общежитие, прислонился к стене и медленно опустился на кровать. Его сердце билось так быстро, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Это было чувство крайней незащищённости, от которого он хотел спрятаться в самом маленьком и тесном пространстве.

Он крепко обнял колени, сжавшись в комок, и его плечи слегка дрожали. Что происходит? Опять заболел? Почему я так паникую? Кто такой Гуань Линьюнь? Какое он имеет ко мне отношение?

Множество знакомых и незнакомых воспоминаний заполнили его сознание, и он чувствовал, что больше не может это выносить!

Е Юйфань вскочил с кровати, достал из-под неё пачку новой бумаги, которую собирался отнести в студию, и разложил её на столе. Это была крупноформатная бумага для цветной живописи...

Затем, дрожа, как человек с сердечным приступом, ищущий таблетки, он вытащил все кисти и краски и начал яростно рисовать на бумаге. Это было скорее не рисование, а бессознательное выплёскивание эмоций.

Он словно был одержим, яростно мазал красками, только чтобы не сойти с ума. Только так он мог убедиться в единстве своей личности...

Одна половина его души сосредоточенно управляла кистью, а другая спокойно наблюдала, как краски растекаются по холсту. Множество цветов, словно осколки воспоминаний, выстраивались в стройные ряды, очищались и упорядочивались.

Но всё это происходило бессознательно.

Он был в сознании, но действовал без осознания, словно его рука двигалась сама по себе, а мозг работал автоматически. Это было похоже на поэта в состоянии опьянения, изливающего свои эмоции в стихи, которые, несмотря на юный возраст автора, были полны величественной силы.

Если бы Го Чжэкай и Хэ Юэси сейчас были рядом с Е Юйфанем, они бы снова были поражены его смелыми мазками!

Когда он окончательно выдохся и его мозг больше не мог думать о всех этих хаотичных вещах, он повалился на кровать... Пальцы и локти были покрыты несмытой краской, но ему было всё равно. Ему просто хотелось крепко уснуть.

Неизвестно, сколько времени прошло, но во сне Е Юйфань услышал звонок. Он нащупал в кармане брюк телефон, открыл уставшие глаза в темноте и увидел незнакомый номер.

Е Юйфань резко встревожился, первая мысль была: «Этот человек звонит!» Прошло больше десяти секунд, прежде чем он пришёл в себя. Е Юйфань глубоко вздохнул, посмеялся над своей паранойей и нажал кнопку ответа.

— Алло? — раздался знакомый голос.

Е Юйфань на секунду заколебался:

— Цзян Бин?

— Ты долго не брал трубку, я уже подумал, что ошибся номером, — сказал Цзян Бин.

Е Юйфань был поражён и не мог поверить:

— Как ты дозвонился?

— Ха-ха, я купил в почтовом отделении карточку для международных звонков, но набирать номер было настоящей головной болью! Пришлось добавлять кучу цифр перед твоим номером телефона!

Голос юноши с лёгкой хрипотцой согрел Е Юйфана. Он крепко сжал трубку и снова назвал имя Цзян Бина, словно проверяя, не ошибся ли он.

— М? — Цзян Бин ответил с улыбкой в голосе, ожидая продолжения, но Е Юйфань молчал. Тогда Цзян Бин продолжил:

— У тебя уже вечер? Я специально выбрал это время, ты уже с занятий?

— Да, — снаружи уже стемнело. Е Юйфань даже не заметил, как проспал до этого времени.

— Как ты? Я всё время переживаю, что тебе там тяжело.

— У меня всё нормально, — лёгкое чувство счастья окутало Е Юйфана. Он понял, как сильно скучает по Цзян Бину. — А у тебя? Международные звонки ведь дорогие?

— У меня тоже всё хорошо, ха-ха... После твоего отъезда мне как будто не хватает самого важного слушателя. Но я познакомился с одним крутым парнем, мы планируем создать группу... А ещё У Фэй, Чжэн Фэн и другие ребята собираются открыть бар на улице Сяоцзы. Они уже договорились со мной, чтобы я был их приглашённым певцом...

Мягкие слова, словно перья, щекотали ухо Е Юйфана. Он слушал Цзян Бина и даже не заметил, как на его лице появилась улыбка.

Цзян Бин сказал, что споёт для Е Юйфана, и тот слушал, держа трубку. На середине песни Цзян Бин сообщил, что мимо телефонной будки прошла тётка, которая странно на него посмотрела...

Е Юйфань представил эту сцену и вдруг засмеялся.

— Пой громче, я рассчитываю, что ты станешь знаменитым.

Он подшучивал над ним, но в душе думал: «Цзян Бин, как же я хочу быть сейчас рядом с тобой и слушать твоё пение».

— Мне скоро придётся повесить трубку, — внезапно сказал Цзян Бин.

Е Юйфань:

— Так быстро?

Цзян Бин:

— Дурак, прошло уже почти двадцать минут!

Е Юйфань:

— ...Кажется, прошло всего несколько минут.

— Что, скучаешь по старшему брату? — только что поддразнил Цзян Бин, как в трубке раздался сигнал о низком балансе на карте. Он с горькой улыбкой сказал:

— Правда, пора, у меня ещё дела.

Е Юйфань с сожалением ответил:

— Тогда иди.

Цзян Бин:

— Через пару дней я ещё позвоню!

Е Юйфань:

— Буду ждать.

<http://bllate.org/book/16335/1475097>